

Пров Михайлович Садовский

К 45-летию артистической деятельности

П. М. Садовский в роли Дуровина («Воевода»).

Замечательный талант

Труппа и руководство Государственного ордена Ленина Академического Малого театра поздравляют Вас, дорогой Пров Михайлович, с 45-летием Вашей замечательной артистической деятельности.

Ваше имя занимает почетнейшее место среди тех прекрасных талантов, которые в наши дни продолжают живую и неувядающую славу Малого театра, наследника и носителя традиций русского сценического реализма.

Галерея созданных Вами ярких образов разнообразна, богата и блестяща. Ваше сценическое дарование отмечено чудесной разносторонностью. Карл в «Кромвеле», Филипп II в «Дон Карлосе», Брут в «Юлии Цезаре», Кошкин в «Любови Яровой», Растигин в пьесе «На берегу Невы», Несчастливцев в «Лесе», Фамусов в «Горе от ума» — Вы создали роли и бытового репертуара, и классической драмы, и романтической трагедии, следуя всюду Щепкинским заветам, утвержденным на сцене Малого театра славной семьей Садовских, заветам жизненной правды, искренности, простоты, сценической яркости и безукоризненно русской образцовой московской речи.

Желаем Вам здоровья, долгой неувыдаемости Вашего изумительного таланта и новых блестящих сценических созданий, воплощающих героизм нашей великой сталинской эпохи.

Директор Малого театра А. ШУМИЛИН.

Секретарь партийного бюро К. КОЗЛОВ.

Председатель месткома И. МАМОШИН.

Любим, приветствуем

(По телеграфу)

Все три поколения родного Вам Малого театра горячо поздравляют Вас с сорокапятилетием замечательной сценической деятельности.

Желаем здоровья, радостного творчества, новых сценических побед, которых ждет от Вас советский зритель.

Приветствуем, любим, обнимаем Вас.

По поручению коллектива А. ЯБЛОЧКИНА, И. СУДАКОВ.

Трудно быть сыном знаменитого отца; еще труднее быть сыном знаменитых отца и матери; еще несравненно труднее, будучи сыном славных родителей, быть внуком великого деда.

Все, чем радовали в своем творчестве отец и мать, все, чем велик был дед, все это взыхнется с сына и внука; наследник великого имени, он должен быть наследником труда, ума, гения, которыми прославлено это имя.

Когда в 1895 году на сцене Малого театра впервые появился «т. Садовский 2-й» — ему был предъявлен публичной поистине неоплатимый счет требований, как к внуку великого Прова Садовского, сподвижника Островского, как к сыну М. П. и О. О. Садовских, в расцвете сил и таланта в том же 1895 году выступавших на той же сцене Малого театра.

Во внуке искали могучей силы дед, в сыне — прекрасной простоты отца и мудрой правды матери.

Вряд ли кому-нибудь другому из русских актеров приходилось начинать свою сценическую жизнь в таких исключительных по трудности условиях, как начинал ее П. М. Садовский.

Своей сценической работой он должен был продолжать великое дело реалистического искусства, начатое его дедом и с таким успехом перенятое из его рук Михаилом и Ольгой Садовскими.

С дебюта П. М. Садовского прошло 45 лет, и его почти полувековые «труды и дни» показали неопровержимо, что советский театр в его лице обладает достойным продолжателем истинного дела театральной династии Садовских — насаждения жизненного реализма на сцене.

«Наследье родовое» в Садовском наших дней — это прежде всего его замечательная речь, его цветущее мастерство живого слова. Кого бы ни играл Садовский, — помещика из кавалеристов Миловидова («На бойком месте») или короля Филиппа («Дон-Карлос»), бытовую комедию или романтическую драму, — его сценическое слово — всегда яркое, емкое, действенное — может служить образцом русской речи, — такой, какую она живет в народе, и такой, какую запечатлели ее в своих произведениях Пушкин, Островский, Лев Толстой.

Садовского можно смотреть с закрытыми глазами — и, слушая его, видеть его героев в их жизненном действовании и внутреннем устремлении: из речевого образа у Садовского сам собою создается образ действительный, в полном смысле слова — драматический.

Его работы, как Миловидов («На бойком месте»), Беркулов («Волки и овцы»), Несчастливцев («Лес»), свидетельствуют о таком понимании особенностей драматургического письма Островского, о таком сораздании актёра с основными устремлениями драматурга, что Садовского по справедливости можно включить в небольшое число превосходных мастеров, чья работа в театре Островского может служить школой для молодых поколений актеров.

П. М. Садовский был первый Мизгирь русской сцены, в котором молодая страстность любовника сочеталась с тою лихою, вольной удалью, которая так звонко и призывно звучит в русских народных песнях. Если Мизгирь и был у Садовского «торговый гость», как положено ему быть у Островского, то был из породы тех новгородских «шуйничиков», которым «вольная волюшка» дороже «золотой казны». Роль эта осталась любимой у П. М. Садовского и он возобновил «Снегурочку» на Малой сцене, в свой юбилейный спектакль по случаю 25-летия сценической деятельности.

В 1914 г. П. М. Садовский сыграл Дуровина в «Воеводе» Островского. Это было продолжение Мизгирия. Образ был обвеян вольными ветрами волжских просторов, на нем был загар знойного солнца неумных разиновских степей.

Мужественность не значит грубость

и сила не значит топорность: у Садовского Дуровин не только крепко, но красиво шит: верилось его неподдельной силе, и было радостно, что эта сила так прекрасна.

В предреволюционное время Дуровин — Садовский радовал вольным дыханием своей широкой груди. С этой ролью Садовский не расставался и в советское время: он углубил, социально упрочил ее в наши дни, — и, слушая его превосходную чистку стихов, такую простую и вместе высоко поэтическую, верилось, что Дуровин с его речами вырос у Островского из «разбойничьих» разиновских песен XVII века.

Одна из лучших ролей П. Садовского — Глумов в «На всякого мудреца довольно простоты», — роль, пропесенная им через всю его сценическую жизнь. В Глумове Садовского во всех первых актах чувствовалась злой ум, эпиграмматический язык, богатая, жадная на жизнь натура, расчетливо маскирующая себя в мимое убожество, верно скопированное с действительного убожества разлагавшейся вокруг него аристократии и бюрократии, и, когда в 5-м действии ветхая маска спала с молодого лица Глумова, зритель прощал ему его искательство и лицемерие ради великолепного огня эпиграмм, кото-

П. М. Садовский в роли Фамусова («Горе от ума»).

рыми он беспощадно обжигал Мамеевых и Крутицких.

Именно там, где труднее всего было конкурировать с великим дедом и славным отцом и матерью, именно в пьесах Островского П. М. Садовский доказал, что он — законный продолжатель этой династии высказательных художников и мастеров живого слова.

В советском Малом театре дарование Садовского нашло себе настоящую почву. Актёр мужественной воли, сильных характеров, властного чувства, художник, которому больше всего удаются люди, твердой поступью проходящие по жизни. Садовский нашел в дни революции новый великолепный материал для творчества. Всем памятен в исполнении П. Садовского ассирийский раб Зер-Сибан, предводитель выставивших рабов («Загмук» А. Глебова): в чудовальном облике ассирийца дышало властное чувство мести и воли, могучее стремление к свободе.

Этому властному чувству был полный простор в самой известной из советских ролей Садовского — в комиссаре Кошкине в «Любови Яровой» К. А. Тренева.

Роль Кошкина в исполнении Садовского занесена в летопись советского театра: это был первый не плакатный, не упрощенно-агитационный, а живой, выхваченный из действительности образ большевика-революционера. За четырнадцать лет сценической жизни живой образ Кошкина не потускнел, не обветшал, не пошатнулся. Его походка, как была, так и осталась верна действительности.

«Великая социалистическая революция дала театру и новую тематику, — читаем мы в «Правде» в передовой статье по случаю награждения Малого театра орденом Ленина. — Заслуги коллектива Малого театра, что он сумел эту новую тематику освоить, не только не снижая, а безмерно повысив художественный уровень своих спектаклей. Пример тому «Любовь Яровая» — блестящий, красочный спектакль о суровых и незабываемых днях гражданской войны, спектакль, красота и сила которого никогда не увянут».

Весьма значительная доля из всего, что здесь справедливо сказано о Малом театре, приходится на долю П. М. Садовского.

Его комиссар Кошкин показан с «красотой и силой». Он обрисован локудом «суровых и незабываемых дней гражданской войны». Его мужественное лицо обветрено молодым дыханием вечно обновляющей грозой. Ни в одном из созданных Садовским прежде образов не было таких простых, крепких и верных линий, как здесь. Никаких нарочито бытовых повадок артист не придал Кошкину. Комиссар Кошкин — живой человек и настоящий большевик, и это нераздельно: «большевик» вошел в человека так же тесно, как человек и «большевик».

Романтика сильной воли была единственным видом романтики, свойственным Садовскому. В Кошкине, как и в других советских ролях, романтика сильной воли превратилась в действительность революционной воли. В комиссаре у Садовского нет схем. Это — не «кожаный человек», каких многообразие появлялось в те годы в фильмах пьесы советской тематики. Это человек, вынырнувший из народного моря. И всем казалось, — да и кажется доныне, — нет другого Кошкина и не может быть, кроме того, с которым познакомил нас Садовский.

В советские годы дарованию Садовского открылся большой простор.

Он и в молодые годы играл в пьесах классической романтики, по ни одно из его прежних созданий не может стать рядом с его Филиппом II в «Дон-Карлосе» Шиллера.

В этом образе, монументальном и простом, счастье соединяются две основные линии Малого театра — реалистическая и романтическая. Здесь нет и следа той повышенной декламационности и холодноватой приподнятости, которой не были чужды некоторые более ранние работы Садовского. В Филиппе II Садовский, сохранив гранду высоких чувств, свойственных Шиллеру, уместил ее строгую форму психологически-убедительной характеристики в рамках исторически достоверного портрета.

Таким историческим портретом, — на этот раз беспощадным по сходу, — был у Садовского король Карл I в драме Лупатарского «Оливер Кромвель».

Последним по времени созданием П. М. Садовского является Фамусов.

Об этом образе трудно писать: мы еще с ним живем, мы еще наслаждаемся его существованием, мы еще никак не можем наслушаться его удивительной, певучей московской речью, мы еще любимся великолепным и «особо отпечатком» старой барской Москвы, который лежит на всех жестах, делах, словах и даже помышлениях этого «управляющего казенным местом».

Слушая Фамусова — П. М. Садовского, не хочется анализировать ни актерской техники, ни художественных средств исполнения: хочется только продолжать общение с самим Павлом Афанасьевичем Фамусовым.

Сорок пять лет творческого пути пройдены П. М. Садовским.

Пожелаем ему, чтобы этот путь, — прямой, широкий, наследственный путь Садовских, — еще долго вел его к творческим победам во славу народного искусства правды и простоты.

С. ДУРЫЛИН.

П. М. Садовский в роли Карпа («Оливер Кромвель»).

Из высказываний П. М. Садовского

«Мой творческий путь — это путь моего отца и деда. Это тот сценический реализм, к которому многие театры пришли через ряд экспериментов и испытаний. В Малом театре он был введен М. С. Щепкиным и продолжен моим дедом. Конечно, традиции сыграли свою роль и мне хочется продолжать славную работу двух поколений. Так же, как у деда и отца, у меня нет другой жизни, кроме театра, которому я отдал всю свою жизнь».

«На склоне своих лет я ощущаю в себе много неиспользованных актерских сил. Я с особой яркостью и остротой ощущаю всю романтичность прелесть, неповторимость наших дней, исторического дела, завершаемого нашим поколением, образов и характеров, которые проходят перед моими глазами и требуют от меня: «воплоти нас, воссоздай нас на сценических подмостках!».

«Сейчас, когда жизнь наша полна новым героическим содержанием, когда мыслящие и героичекие действующие люди строят эту жизнь, нам так не хватает героического актёра. Надо по-новому осмыслить задачи, стоящие перед советским театром в области героического амбуа».

«Во времена Белинского, в Малый театр ходил как в университет, потому что на нашей сцене, как и на лекциях Грановского, в кружке Станкевича, в статьях Белинского, звучало тешное обличительное слово, клеймившее реакцию, гнет и царский произвол, — слово, зовущее к прогрессу».

«И если уж говорить о вековых традициях Малого театра, то первой нашей традицией является следование по пути правды в искусстве. Протест против зла и несправедливости царизма, конфликт и нежелание примириться с действительностью в условиях самодержавия звучали в каждой реплике лучших спектаклей Малого театра. Теперь единственное содержание нашей жизни, нашей работы составляет путь правды, путь счастливой нашей родины в тесном единении и борьбе всех трудящихся против наших врагов за новые победы на всех фронтах под руководством коммунистической партии».

П. М. Садовский в ролях (слева направо): Котарбин («Декабрист»), Зер-Сибан («Загмук»), Несчастливцев («Лес»), Мизгирь («Снегурочка»), Кошкин («Любовь Яровая»), Филипп II («Дон Карлос») и Чацкий («Горе от ума»).